

Юлия Бузакина

ЕГО ИСЧЕЗНУВШИЕ

УДК 82-3
ББК 84-4
Б90

Б90   **Бузакина Ю.**
Его исчезнувшие / Юлия Бузакина – М.: Литнет, 2026. – 236 с.

ISBN 978-5-521-98966-9

— Сегодня был освобожден из-под стражи опальный прокурор Марат Сабиров, — озвучивает новость диктор. — Следственный комитет доказал его невиновность. Я сую дочке булочку и замираю. Не могу поверить, что по другую сторону экрана мой муж. «Бывший муж», — отзывается болезненным эхом внутри. Уже ничего не исправить. Только наша общая дочь, о которой он ничего не знает, прочной нитью связывает меня с прошлым, где я была женой прокурора. Мониторю глазами кадры с надеждой еще раз увидеть любимый силуэт. Но взамен на экране появляется красивая брюнетка. Узнаю когда-то лучшую подругу. Она виснет на шее у моего мужа, а я смотрю на экран, и сердце рвется в клочья...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98966-9

© Литнет, 2026
© Ю. Бузакина, 2026

Глава 1. Надя

– Мам, пойдём? Я голодная... – Маленькая Василиса смотрит на меня своими васильковыми глазками и нервно поджимает губки.

Я напряженно поглаживаю ее по непослушным темным волосам, которые сегодня заплетены в строгую косичку.

– Потерпи, моя хорошая. Обещаю: как только мы пройдем собеседование в детский сад, я отведу тебя к тете Варе в столовую и куплю твою любимую картошку.

Василиса тянет меня за руку.

Жалуется:

– Носьки болят...

Я мысленно закипаю. И где эта заведующая, которая обещала, что примет нас ровно в полдень?! Уже половина первого, а ее все нет.

Соискательниц с детьми работодатели не особо жалуют, а когда ты мать-одиночка, все намного хуже: тебе не на кого опереться.

Я думала, что, если устрою Василису в садик, дела пойдут бодрее. Ей скоро исполнится три года, и она у меня сообразительная. Болтать начала с полутора лет и все-все понимает. А еще у меня через неделю заканчивается декретный отпуск. Я числюсь в хорошей компании, и потерять рабочее место сейчас – хуже некуда. Так что садик нам нужен позарез.

В холле показывается немолодая грузная женщина с неприятным блеском в глазах.

– Вы к кому, мамочка? – Вскинув голову, она сканирует нас с Васей оценивающим взглядом.

– Я по поводу места в садике... Мне сказали, что заведующая будет принимать с полудня... – мнусь неуверенно, но стараюсь произвести впечатление. Приветливо улыбаюсь. Поясняю: – Хочу малышку устроить в садик. Она у меня сообразительная и очень послушная...

– Все вы так говорите! – грубо отрезает она. – Свободных мест в садике нет. Он забит под завязку, группы по тридцать пять человек. Нарожаете без мужей, потом ходите тут, ходите, пороги обиваете, а ваши сообразительные и послушные крадут вещи у детей из хороших семей!

Я сглатываю ком в горле.

– Моя дочь не такая... – бормочу растерянно.

– Угу, как же! – женщина брезгливо передергивает плечами.

Глаза опаливают непрошенные слезы, но я быстро промаргиваюсь. Застегиваю на Васе теплую курточку, надеваю ей шапку и варежки, а у самой глаза на мокром месте. «Она не может быть воровкой, у нее отец – прокурор!» – хочу кричать вслед мерзкой незнакомке, но вместо этого склоняюсь к дочери и яростно закутываю ее личико шарфом.

Февраль в этом году выдался суровым. Оттепель прокатилась в январе, а сейчас придавило морозами. Ни намека на скорую весну.

Через пять минут мы оказываемся на улице.

Ледяной ветер раскачивает ветви голых деревьев и бьет по украшенным бумажными аппликациями стеклам.

Сердце ноет в груди, вскрывая застарелые раны.

«Он не вернется», – твержу себе одно и то же уже четвертый год подряд. Да разве сердцу можно что-то объяснить?! Стоит кому-то неосторожно напомнить об отце Василисы, и оно рвется на части снова и снова.

«Как ты мог, Марат?! Как мог мне не поверить?!» – полыхает болью в груди.

Тяжелые тучи плотной завесой нависают над городом, намекая на то, что впереди метель. Я зябко кутаюсь в свое осеннее пальто. Чувствую, как медленно коченеют ноги в тонких осенних сапогах.

«Что ж, придется снова брать вечерние смены у тети Вари в столовке. Там хотя бы заплатят», – вздыхаю про себя. Цепляю на лицо приветливую улыбку и толкаю стеклянную дверь общепита.

Мы с дочкой тут же тонем в аппетитных ароматах заводской столовой. На заводе когда-то работал мой отчим, ему и дали квартиру. Отчима давно нет, а мы с Васькой ютимся в его «хоромах», которые отстроили специально для рабочих завода. Я даже фамилию отчима взяла после развода, и Василису под этой фамилией записала. Иначе было нельзя: после ареста моего мужа на меня открыли охоту. СМИ будто свихнулись. Началась настоящая травля. Исчезнуть было единственным способом уберечь себя и ребенка от агрессии.

Тетя Варя, наша соседка по секции, работает в столовой поваром. Ее дети выросли и разъехались, поэтому к моей Ваське она относится, как к родной. И надо мной, избалованной барыней, сжалилась, взяла к себе на подработки, когда у меня живот был выше носа, а я от голода на улице сознание потеряла. Голод не тетка, поэтому стряпать я быстро научилась. Пирожки, булочки, мясо с подливой, щи. С тех пор так и тянемся.

«Как ты мог мне не поверить, Марат?!» – снова и снова мысленно обращаюсь к мужу, но он никогда не услышит мой вопрос.

...В заводской столовой все из серии «Назад в СССР». Даже телевизор на стене, и тот не с плоским экраном. Позабытый после новогодних праздников интерьер в светлых тонах и щедро укутанная дождем старая елка приглашают устроиться за одним из столиков у окна и насладиться картошкой фри и чашкой горячего чая.

Заметив, что в углу освобождается столик, я веду туда дочку. Усадив ее у окна, снимаю с нее шапку и расстегиваю теплую курточку.

– Мосьно мне булоську, мам? Мосьно? – не унимается Васька и смотрит на меня голодными васильковыми глазищами.

За прилавком показывается тетя Варя. Замечает нас, и ее круглое лицо озаряет улыбка. Белый чепчик на голове смешно дергается в такт ненавязчивой музыке из телевизора.

– О-о-о, кто к нам пожаловал! – грохочет она.

Васька расплывается в улыбке и радостно болтает ножками.

– Калтоськи хосю! – выкрикивает громко, нетерпеливо ерзая на стуле.

– Посиди, я принесу тебе твою любимую картошку, – сдаюсь я. Поднимаюсь и иду к прилавку, а сама мысленно подсчитываю деньги в кошельке. На картошку точно должно хватить.

Подавляю вздох. Когда-то я была женой прокурора. Как сильно я его любила! Думала, умру, когда позвонил его адвокат Игорь Свиридов. Я сижу на краю ванны с положительным тестом на беременность в руках, а он мне – развод! Получите, распишитесь, вы теперь свободны, Наденька! Квартиру извольте освободить, она не ваша. Как по лицу наотмашь...

И никто, никто мне не поверил! То, что Дамир все подстроил с теми фотографиями и попросту заплатил моей подруге Амалии за слив мужу, которого уже держали под стражей, так и сошло ему с рук.

Мужа посадили, а я осталась одна – разведенка с ребенком под сердцем. Из компании меня хотели уволить, но по закону беременную уволить нельзя, поэтому пусть подавятся! Прошло три года, и через неделю я вернусь на свое место. Попробуют уволить – в суд на них подам!

Вздыхаю украдкой. И что я так разволновалась сегодня? Это все обидные слова той женщины в садике. Три года прошло, а меня так и не отпустило. Такое ощущение, будто вчера в последний раз видела Марата по другую сторону решетки. Ему вынесли обвинительный приговор, но я не верю, что он совершил то преступление. Марат не такой. Он бы никогда не причинил вреда женщине, а тем более жене брата.

Как бы там ни было, сейчас я – мать-одиночка. Мнусь неуверенно у кассы, подсчитывая мелочь в кошельке.

– Брось, Надя, для Васьки за счет заведения, – мотает головой тетя Варя.

– М-м-м... значит, гуляем! – Я смеюсь.

Подношу к нашему с Васькой столику чай и картошку. Тетя Варя щелкает пультом в поисках новостей, чтобы послушать погоду на ближайшие дни: у нее тоже осенние сапоги, и мерзнуть ей порядком поднадоело.

На экране мелькают кадры. Тюрьма?

Удивленно приподнимаю бровь, а следом сердце летит в пропасть: я узнаю бывшего мужа, который с другой стороны экрана торопливо шагает к служебной машине в компании адвоката...

Статный, видный – Марат почти не изменился.

– Оставь, Варя! – кричу так громко, что на меня удивленно оборачиваются посетители.

Впиваюсь глазами в экран так жадно, что кажется, пропало в нем дыры.

– Сегодня был освобожден из-под стражи опальный прокурор Марат Сабиров, – добивая, озвучивает новость диктор. – Следственный комитет доказал его непричастность к убийству жены старшего брата Марьяны Сабировой. Саму Марьяну случайно нашли живой и здоровой. Кого опознали вместо нее, остается загадкой, которую еще предстоит разгадать следствию. Муж Марьяны, Дамир Сабиров, владелец скандально известной компании «ЭлитСтрой» пока никак не комментирует ситуацию.

– Мам, дай булоську! – Голодная Васька дергает меня за рукав пальто. Я на автомате сую ей булку, а сама не могу дышать. Перед глазами все плывет. Я ведь знала, что мой муж невиновен.

«Бывший муж», – поправляю себя, и сердце рвется в клочья...

Глава 2. Марат

– Лицом к стене! Руки за спину!

Прикрыв глаза, я втягиваю грудью воздух, чтобы унять глухую ярость. Ненавистные бесцветные стены перед глазами.

Знакомый лязг решеток. Так открывается дверь.

Начальник тюрьмы заполняет документы. Посматривает на меня снисходительно, цокает языком.

– К сожалению, Марат Григорьевич, в ваше дело закралась ошибка. Напрягаюсь.

– Ошибка? Что это значит?

– Это значит, что вы свободны.

– Как – свободен?! – начинаю метаться, паниковать. – Где мой адвокат?!

– Я здесь, Марат! – Размахивая тяжелой папкой, в дубовую дверь протискивается Игорь Свиридов. За его спиной, игнорируя вооруженную охрану у двери, напирают журналисты. Шум стоит неимоверный.

Я хватаю Свиридова за локоть.

– Игорь, я не понимаю! Что происходит?!

Адвокат качает головой.

– Вчера отдел по борьбе с организованной преступностью проводил облаву. В одном из притонов внезапно обнаружили жену твоего старшего брата, Марианну. Никакого убийства не было.

Чувствую, как меня ведет. В груди становится тесно, мне не хватает воздуха. Опираюсь на казенный стол ладонями, чтобы удержать равновесие.

Три года и четыре месяца сражений в суде, безумные траты на адвокатов, и никаких подвижек, а тут вдруг обычный рейд, и меня отпускают, потому что в следствие закралась ошибка?!

– Это... невозможно... – Чувствую, как горло перехватывает спазм. – Ее ведь опознали тогда!

Игорь сжимает мое плечо своей крепкой рукой.

– Все было подстроено, Марат. Мне жаль.

Начальник тюрьмы усмехается, и в какой-то миг мне безумно хочется ударить по его самодовольному лицу, но я гашу порыв на корню. Понимаю: здесь все повязаны. Для этого ухмыляющегося полицейского я – зэк. Никому не интересно, что я провел в этом заведении три года по ошибке.

– Вещи заберите. – Мне протягивают пакет с вещами, в которых меня забрали из ресторана три года назад.

Притормаживаю, вытряхиваю из пакета свои личные вещи и замираю. Прошлое обжигает болью, бьет по лицу наотмашь – безжалостно, остро. Осторожно беру в руки золотые часы – подарок отца на тридцатилетие. Золотой портсигар, в котором даже три года спустя хранятся три сигареты моей любимой марки. Паспорт, бумажник. Денег в бумажнике нет, лишь на дне одиноко лежит пожелтевшее от времени фото моей жены Нади.

Провожу дрожащими пальцами по фотографии, и сердце сжимает дикая тоска. Надя... В одну из наших встреч здесь, в тюрьме, она хотела мне что-то сказать. Что-то очень важное. Я же не стал слушать. Она плакала так горько, так отчаянно, а я... не выдержал. Нервы сдали. В тот день за час до ее визита ко мне приходила другая гостья – ее лучшая подруга Амалия. Она сообщила неприятную новость: Надю видели в объятиях моего старшего брата. Амалия была немногословна, но она принесла доказательства – конверт с фотографиями, на которых Надю тискал мой брат.

«Мне жаль, Марат», – эхом отдается в ушах ее голос из прошлого.

Прошло три года, а мне до сих пор адски больно вспоминать тот день. Надя рыдала, клялась, что измены не было, что все подстроили, умоляла ей поверить, а я... В тот же день я подал на развод. Игорь Свиридов помог оформить нужные документы. Делить нам с Надей было нечего: квартира записана на мою мать, детей у нас не было.

Я скрежетал зубами от боли, скулил, бил кулаками в стену своей тесной камеры, но решения не поменял: слишком сильно любил ее, чтобы простить измену. Марат Сабиров предательства не прощает!

Игорь трогает меня за плечо.

– Идем, Марат.

Возвращаюсь в реальность, киваю и иду следом за ним в соседний кабинет. Где-то час занимает бумажная волокита, и вот мы на улице.

Ледяной ветер бьет порывом в лицо, а у меня из верхней одежды только осеннее пальто. Холод колкими иглами пробирается под одежду, и от этого на душе еще гаже.

Наверное, еще ни разу за всю историю существования городской тюрьмы у ее ворот не наблюдалось такого столпотворения. Средства массовой информации будто разом свихнулись. Какие-то активисты устроили пикет прямо перед воротами, и их активно снимают на камеру. Усиленный наряд охраны пытается разогнать бунт, но страсти только накаляются.

Эмоциональные журналисты с микрофонами осаждают со всех сторон. Даже телевидение приехало снимать репортаж о том, что незаконно осужденный три года назад за убийство жены брата прокурор Марат Сабиров отныне полностью оправдан и выходит на свободу.

– Господин Сабиров! Что вы хотите сказать тем людям, из-за которых вас несправедливо держали под стражей три года?

– Вы вернетесь к работе, господин Сабиров?

– А ваша жена? Вы с ней встретитесь, чтобы обсудить подробности ее измены?

Я шумно втягиваю грудью морозный воздух. Чувствую, как дико колотится в груди мое израненное осколками предательства сердце. Откуда этим людям известны подробности моей личной жизни?!

Хорошо, что рядом со мной Игорь Свиридов.

– Без комментариев! – С силой отталкивая от меня журналистов,